

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПИСЬМА

(Типы письма и их связь с языком)

Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» имеет огромное принципиальное значение не только для науки о языке, но и для других научных дисциплин. Особенно большое значение он имеет для наук, связанных с языкознанием, — для теории и истории литературы, теории и истории письма, для этнографии и т. п. Однако не во всех этих науках завершена теоретическая перестройка, необходимая в свете труда И. В. Сталина.

В особенно неблагоприятном положении остается до сих пор наука о письме. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что единственной обобщающей работой, изданной на русском языке, здесь была до сих пор книга Я. Шницера «Иллюстрированная всеобщая история письмен»¹, выпущенная около полувека тому назад. Несмотря на то, что эта работа сильно устарела и имеет принципиальные ошибки, из-за отсутствия других обобщающих трудов она до сих пор предусматривается вузовскими программами в качестве одного из основных пособий по истории письма. Не может удовлетворить современным научным требованиям и выпущенная в 1950 г. Издательством иностранной литературы книга чешского ученого Ч. Лоукотка «Развитие письма»². Давая по сравнению с Я. Шницером более свежий фактический материал, эта работа страдает серьезными недостатками принципиального характера: она отрывает историю письма от истории языка, от истории общества в целом, выдвигает теорию магического происхождения письма и т. д.

Из трудов советских авторов общетеоретическим положениям науки о письме посвящены несколько работ акад. Н. Я. Марра «Происхождение терминов „книга“ и „письмо“ в освещении яфетической теории» (1927), «Абхазский аналитический алфавит» и — в особенности — «Язык и письмо» (1930) и «Письмо и язык» (1938), работа акад. И. И. Мещанинова «К вопросу о стадиальности в письме и языке» (1931) и несколько статей в журналах и энциклопедиях. Остальные исследования или рассматривают отдельные частные вопросы истории письма, или посвящены вопросам практики письма, или же являются трудами по языкознанию, по палеографии, по истории книги и книгопечатания, в которых вопросы теории и истории письма рассматриваются лишь попутно. В своей общетеоретической части большинство этих работ исходит из принципиально ошибочных положений Н. Я. Марра и его «учеников» о письме, как о надстройке над общественным базисом, о существовании письма до возникновения звуковой речи и о «трудномагическом» характере первоначальной письменности. Ни в одной из этих работ не ставятся с достаточной четкостью важнейшие теоретические вопросы: о взаимоотношении письма и языка; о том, что следует считать основными признаками письма, образующими письменные системы различных народов; о том, сказываются ли на развитии письма классовые влияния и, если сказываются, то в какой мере, и т. д. Крайне не упорядочена терминология, применяемая в работах по теории и истории письма. Неблагополучное положение, создавшееся в науке о письме, настоятельно требует пересмотра теоретических основ этой науки.

1

Первым и важнейшим вопросом теории письма является вопрос о том, что такое п и с ь м о, каковы его основное назначение и отличительные признаки.

У звуковой речи, как у средства общения между людьми, при всех ее неисчерпаемых возможностях есть все же два существенных недостатка: ограниченность в пространстве (речь слышна на сравнительно малом расстоянии) и ограниченность во времени (речь слышна только в момент ее произнесения). Правда, в нашу эпоху, в связи с развитием техники, эти два недостатка звуковой речи частично ликвидированы. Так, ограниченность речи в пространстве ликвидирована путем применения телефона и радио; ограниченность во времени — путем применения звукозаписи. Но, во-первых, развитие техники только частично устранило или, вернее, ослабило эти два недостатка звуковой речи; во-вторых, частичное устранение этих недостатков речи было практически осуществлено лишь с конца XIX — начала XX в. Между тем потребность в передаче речи на расстоянии и в закреплении речи во времени существовала у людей уже очень давно. Эта потребность была удовлетворена путем применения в той или иной форме графической записи речи, а также при помощи использования различных предметов (шнуров с узлами, раковин и т. п.), которым придавалось условное смысловое значение.

¹ Я. Шницер, Иллюстрированная всеобщая история письмен, СПб., 1903.

² Ч. Лоукотка, Развитие письма [русский перевод], М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950.

Использование различных предметов, имевших условное значение, для передачи или для закрепления основного смыслового содержания речи обнаруживается главным образом на этапах, предшествующих развитию письма, и притом сравнительно у немногих народов (в наиболее развитой форме — «квипу» перуанских инков). Основным же средством письма, важнейшим его признаком является графическая запись. Следовательно, можно сказать, что письмо — это дополнительное к звуковой речи средство общения между людьми, осуществляемое при помощи различного рода графических знаков, в той или иной форме отражающих звуковую речь и служащих для передачи этой речи на расстоянии или для закрепления ее во времени.

Таким образом, письмо, возникая и развиваясь на базе языка, имеет в то же время свою специфику. Принципиальные, важнейшие особенности письма следующие: 1) письмо не основное, не самостоятельное, а вспомогательное, дополнительное к языку средство общения, поэтому оно появляется на более поздней ступени развития общества и в течение долгого времени обслуживает не все общество, а только его часть; 2) письмо служит главным образом для передачи речи на расстоянии или для закрепления ее во времени; 3) средством письма являются графические знаки, воспринимаемые зрительно. В последнем отношении письмо близко к области графических искусств. Но если письмо имеет ту же цель, что и язык, отличающаяся от него только средствами осуществления этой цели, то с графическим искусством письмо имеет сходные средства, но разные цели. Основное назначение произведений графического искусства — художественно-образное познание мира в целях активного воздействия на него; основное назначение письма — передача речи. В связи с такой разницей в целях имеется различие и в самом характере даже внешне сходных средств: средства искусства — конкретные художественные образы; средства письма — всегда более или менее условные изображения и знаки, служащие для передачи каких-либо элементов человеческой речи.

Правда, на самых первых ступенях своего развития письмо и графическое искусство были очень близки друг к другу. На ранней стадии развития письма для передачи речи применялись почти такие же рисунки, как и в графическом искусстве. Так, североамериканский индеец, записывая условия обмена одной лисицы на двух бобров, рисовал эту лисицу и этих бобров и соединял их знаком двух скрещенных рук. Но даже и здесь: 1) изображения лисицы и бобров предназначались не для художественного их восприятия, а для обозначения, закрепления условий обмена, сформулированных предварительно в речи; 2) изображения эти представляли собой не художественные образы, а условные, схематические изображения. В дальнейшем, по мере развития письма оно все более удалялось от графического искусства и все полнее приспособлялось для передачи звуковой речи. Так, в современном алфавитно-буквенном письме письменный знак — буква — совершенно не имеет изобразительного характера и служит чисто условным графическим знаком простейшего элемента звуковой речи — отдельного звука (или фонемы).

2

Очень неупорядоченной остается до сих пор терминология, применяемая в науке о письме. К числу важнейших понятий, которые должны быть уточнены и введены в теорию письма, относятся понятия «система письма», «тип письма», «группы (семейства) систем письма», «письменный знак», его «значение» и «графема» и «основные орфографические принципы письма».

Понятие «система письма» может быть определено, как исторически сложившаяся и упорядоченная система того или иного народа (например, русская, китайская, греческая и другие системы письма). Всякая система письма характеризуется: определенным типом письма, более или менее стабильным составом, значением и устойчивой графической формой письменных знаков, а также более или менее устойчивыми орфографическими принципами. Системы письма могут быть автохтонными — возникшими и развившимися применительно к языку данного народа и отражающими важнейшие особенности этого языка (например, русское письмо, китайское письмо и др.) — или же заимствованными одним народом у другого и в той или иной мере приспособленными к данному языку (например, китайское иероглифическое письмо у японцев или арабское консонантное письмо у народов Средней Азии и Кавказа).

Всякая исторически сложившаяся система письма использует определенный состав письменных знаков. Знаки эти служат для передачи тех или иных элементов языка — целых слов, отдельных слогов или же звуков, т. е. имеют — в своем отношении к языку — определенное значение. Кроме того, письменный знак обычно обладает более или менее устойчивой типовой графической формой, обуславливающей его узнавание, независимо от индивидуальных и исторически меняющихся почерков и стилей письма; это типовая форма знака может быть названа его графической основой

(например, для буквы *ш* в русском письме — три вертикальные черты, соединенные в нижних их концах).

Поскольку письмо служит для передачи языка, постольку наиболее важным признаком письма является не графическая форма письменных знаков, а то, какие элементы языка (высказывание в целом, отдельные слова, слоги, звуки) обозначаются письменными знаками. В зависимости от этого исторически устанавливаются четыре «типа письма»: пиктографический, идеографический, слоговой и звуковой.

Пиктографическое письмо представляет собой, как правило, картинное (изобразительное) письмо, передающее высказывание в целом. Это значит, что пиктограммы, в отличие от идеограмм, обычно выражают целую фразу, предложение или сообщение, еще очень нечетко расчлененное знаками на отдельные слова. Кроме того, изображения, применяемые в пиктографии, обладают очень неустойчивым, нестабильным и не всегда однозначным характером.

Важнейшим отличием идеографии от пиктографии часто считают условную, а не изобразительно-картинную форму идеографических знаков. Утверждение это неверно как методологически, так и фактически. Методологически это утверждение неверно по той причине, что типологическую классификацию письма необходимо строить, исходя не из формы знаков, а из того, что именно в языке эти знаки обозначают. Неверно это утверждение и фактически. Правда, идеограммы обычно более условны и схематичны, чем пиктограммы. Однако некоторые пиктограммы тоже имели не изобразительный, а условный, схематический характер³. С другой стороны, во многих идеографических системах письма (например, в древней египетской иероглифике) и даже в некоторых фолетических системах (например, в финикийской) письменные знаки сохраняли свою первоначальную картинную форму. Поэтому важнейшим отличием идеографии от пиктографии следует считать не форму знаков, а их значение — то, что письменный знак обозначает здесь или отдельное целое слово, или же его знаменательную часть. Кроме того (или, вернее, именно благодаря этому), идеографические знаки значительно более устойчивы, стабильны и однозначны, чем пиктограммы. Таким образом, как только в пиктографическом письме или иного народа за изображениями или знаками закрепляется определенное значение, как только почти каждый знак начинает обозначать определенное слово (или его знаменательную часть), так пиктографическое письмо становится идеографическим, несмотря на то, что по своей форме многие знаки сохраняют еще первоначальный картинный характер.

Необходимо отметить, что в прежней литературе идеограмму характеризовали иначе; ее определяли как письменный знак, обозначающий не слово, а понятие. Это традиционное определение сохранено и в ряде изданий, вышедших в СССР за самые последние годы*. Так, проф. А. С. Чикобава следующим образом определяет идеографический принцип письма. «Письмо изображает понятия, независимо от того, как называются эти понятия. Это принцип идеографический (греческое *idea* — мысль, идея)». Такое определение нельзя признать правильным, так как оно молчаливо предполагает возможность непосредственной связи между письмом и мышлением (понятием), независимо от языка, а следовательно, возможность мышления без языка. Известно, что понятие всегда оформляется и закрепляется в слове, что не может существовать понятий, по крайней мере сколько-нибудь оформленных и расчлененных, которые не были бы закреплены в слове. А если это так, то и письменный знак не может обозначать понятие как таковое, независимо от слова, которым оно выражено. Сторонники традиционного определения идеограммы обычно выдвигают в его защиту тот факт, что многие идеографические знаки (например, современные цифры) применяются несколькими различными народами, говорящими на разных языках. Отсюда делается вывод: если идеограмма может обозначать разные слова (в разных языках), то, следовательно, она и связана не со словом, а непосредственно с понятием. Вывод этот, конечно, незакончен. Одна и та же идеограмма действительно может обозначать разные слова в разных языках. Но в пределах каждого данного языка она всегда связана с определенным словом этого языка. Так, цифра 3 для русского обозначает слово *три*, для француза — *trois*, для немца — *drei* и т. д.

Но сказать, что идеографические знаки всегда обозначают слова (или знаменательные части слов), еще недостаточно. Необходимо, кроме того, учитывать, что знаки эти довольно четко подразделяются на две категории. Одни знаки (например, современные цифры или китайские «идеографические иероглифы») связаны со значением слова,

³ См., например, письмо юкагирской девушки, приведенное в книге: D. Diringer, *The Alphabet*, New York, 1949, p. 35.

* Необходимость пересмотра традиционных взглядов на иероглифику впервые аргументируется в специальной диссертации А. И. Соколова (М, 1951). — *Ред.*

⁴ А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, М., Учпедгиз, 1952, стр. 175.

но не предопределяют его звучания; другие (например, китайские «фонетические иероглифы»), наоборот, связаны со звучанием слова. Различие между знаками этих двух категорий заключается в том, что первые из них могут применяться для обозначения нескольких синонимов (несмотря на разницу в их звучании), а вторые — для обозначения нескольких омонимов (несмотря на разницу в их значениях). Именно поэтому для точного обозначения слова при идеографическом письме иногда требуется сочетание знаков первой и второй категории.

В различных работах по вопросу письма знаки эти называются по-разному. Знаки первой категории называют «идеограммами», «идеографическими иероглифами», «смысловыми определителями»; знаки второй категории — «фонограммами», «логограммами», «фонетическими иероглифами». Здесь также необходимо упорядочение терминологии.

В отличие от пиктографии и идеографии, характеристика слогового и звукового письма споров не вызывает. Слоговым письмом всегда называется такое письмо, в котором знак обозначает *с л о г*, а звуковым — такое, в котором знак обозначает *з в у к*.

Из приведенного выше определения письма следует, что под понятие «письмо» подпадают все его типы — и звуковое, и слоговое, и идеографическое письмо, и даже пиктография, — поскольку все они служат для передачи речи на расстоянии и для закрепления ее во времени, а в качестве средства используют графические знаки и изображения. Однако систем письма пиктография не образует, так как она не имеет устойчивого состава, значения и формы письменных знаков.

Необходимо отметить, что систем письма чисто звукового, чисто слогового или чисто идеографического типа вообще почти не встречается. Так, даже в современных европейских звуковых системах письма широко применяются идеограммы (например, цифры, математические знаки и т. п.), а также знаки, передающие не один, а несколько звуков (например, русские буквы *щ, ю, я* и др.). С другой стороны, даже в таком идеографическом письме, как шумерское, наряду с идеограммами имелись логограммы, а также отдельные слоговые знаки. Поэтому различные системы письма следует относить к тому или иному типу в зависимости от преобладания в них звуковых, слоговых или идеографических знаков. Однако даже при этом условии приходится выделять системы письма промежуточного, переходного типа (например, идеографически-слогового). К числу их относятся: 1) системы письма, в которых в результате их внутреннего развития оказались широко представлены как идеографические, так и слоговые и звуковые знаки (например, ассиро-вавилонская клинопись); 2) системы письма, представлявшие собой соединение, сочетание двух различных систем, из которых одна является идеографической, а другая — слоговой или звуковой (например, японское письмо, сочетающее китайскую иероглифику с национальными слоговыми знаками «кана»).

Внутри данного типа письма могут быть выделены также определенные его виды. Так, например, среди систем письма звукового типа довольно четко выделяются так называемые «консонантные» системы письма (финикийская, древнееврейская и др.), в которых письменные знаки обозначали, в основном, только согласные и полугласные звуки речи. Звуковые системы письма могут быть подразделены на виды также по преобладанию в них того или иного основного орфографического принципа, т. е. принципа, определяющего подавляющее большинство частных орфографических правил. Важнейшими и основными орфографическими принципами являются: чисто фонетический, т. е. написание слов в соответствии с их современным произношением (например, различные системы фонетической транскрипции); фонематически-морфологический, т. е. одинаковое написание фонем, а также морфем слов, даже когда произношение их в различных грамматических формах изменяется по фонетическим причинам (например, русское письмо); историко-традиционный, т. е. написание слов в соответствии с их произношением в прошлом (например, французское и английское письмо).

Наряду с типологической классификацией систем письма они могут быть разделены на группы (семейства) по общности их происхождения. Так, может быть выделена группа звуковых систем письма, построенных на славянской основе (русская, болгарская, сербская и др.), построенных на латинской основе (французская, немецкая и др.), на арабской основе (арабская, персидская, афганская) и т. д.

Все эти терминологические и классификационные вопросы подлежат углубленной разработке, так как упорядоченность терминологии и классификации является одним из важнейших условий успешного развития науки.

3

Следующий вопрос теории письма — это вопрос о происхождении письма и о характере первоначальной письменности. В этом вопросе (как и в вопросе о происхождении языка) у нас до недавнего времени господствовала порочная теория, выдвинутая Н. Я. Марром и его «учениками». Теория эта сводилась к двум основным положениям: 1) первичное,

пиктографическое письмо возникло одновременно или даже раньше звукового языка из «языка жестов»; 2) это первоначальное письмо имело, в основном, магический характер. «Потребности от нарощего, не уступающего в средства ручного языка накопления идей, — писал Н. Я. Марр, — ...вызывали к жизни диалектический процесс выделения из единой вначале кинетической или линейной речи двух языков, из коих один — звуковой язык, другой — письменный, т. е. письмо, первично магическое письмо»⁵.

Это же положение отстаивали и «ученики» Н. Я. Марра. «Более чем вероятным, — утверждал, например, акад. И. И. Мещанинов, — оказывается возведение начальных стадий письма к эпохам, предшествующим периодам даже формирования членораздельной звуковой речи. Следовательно, письмо, как таковое, старше звукового языка»⁶.

Согласно гипотезе, развитой И. И. Мещаниновым⁷, кинетическая речь возникла в период нижнего палеолита, письмо — в период среднего палеолита, а звуковой язык — лишь в период верхнего палеолита. Таким образом, письмо, по И. И. Мещанинову, оказывается старше речи на целый археологический период. Широкое отражение получила эта теория Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова в научно-популярных и энциклопедических изданиях (см., например, статью «Письмо» в 1-м издании «Большой Советской Энциклопедии»⁸). Эта же теория проводится и в упоминавшемся уже нами пособии по истории письма чешского ученого Ч. Лоукотка⁹.

Аналогичные взгляды на происхождение письма выдвигаются и рядом зарубежных авторов — Чжан Чжэн-мин, Ван Гиннекен, Шиндлером и др. Так, Чжан Чжэн-мин в специальном монографическом исследовании¹⁰ пытается вывести всю китайскую иероглифику из «языка жестов», а Ван Гиннекен¹¹, опираясь на данные Чжан Чжэн-мина, делает общий вывод о возникновении как звукового языка, так и письма из «языка жестов».

Теория Марра, Мещанинова и других о более раннем возникновении письма по сравнению со звуковым языком является совершенно голословной. Она полностью противоречит фактическим данным. Прежде всего, необходимо отметить, что археология, на которую особенно часто ссылались в этом вопросе Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов, никаких доказательств о наличии или отсутствии языка в дописьменный период развития человечества представить вообще не в состоянии. Это явствует из того, что никаких памятников речи, не закрепленных в письме, в распоряжении археологии нет и быть не может. Более богатые фактические данные по этому вопросу имеются в распоряжении истории и этнографии. Однако все эти данные не только не подтверждают, но, наоборот, полностью опровергают утверждение о более раннем возникновении письма по сравнению с языком.

«Звуковой язык или язык слов, — указывает И. В. Сталин, — был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. История не знает ни одного человеческого общества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка. Этнография не знает ни одного отсталого народа, будь он таким же или еще более первобытным, чем, скажем, австралийцы или огнеземельцы прошлого века, который не имел бы своего звукового языка»¹². Тем более принципиально невозможны и совершенно неизвестны ни истории, ни этнографии человеческие общества, которые бы пользовались письмом, не обладая звуковой речью. Наоборот, народы, владеющие звуковой речью, но не обладающие письмом, известны и истории, и этнографии.

Теория о появлении письма до возникновения звукового языка противоречит также и основам марксистского материалистического учения, так как пользование письмом предполагает наличие развитого мышления, а мышление невозможно без языка.

Каким же образом и когда возникла первоначальная письменность? Как указывалось выше, письмо — это вспомогательное, дополнительное к звуковой речи средство общения между людьми, служащее для передачи речи на расстоянии или для закрепления ее во времени. Язык является необходимым условием существования общества. Письмо не является таким необходимым условием, или, вернее, становится им лишь

⁵ Н. Я. Марр, Язык и письмо, «Известия ГАИМК», т. VI, вып. VI, Л., 1930, стр. 17.

⁶ И. И. Мещанинов, К вопросу о стадийности в письме и языке, «Известия ГАИМК», т. VII, вып. V—VI, Л., 1931, стр. 7.

⁷ Там же, стр. 92.

⁸ «Большая Советская Энциклопедия», т. 45, стр. 429—432.

⁹ Ч. Лоукотка, указ. соч., стр. 24 и др.

¹⁰ T s h a n g T s h e n g M i n g, L'écriture chinoise et le geste humain, Paris, 1937.

¹¹ V a n G i n n e k e n, La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité, Paris, 1939.

¹² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 46.

на определенной ступени общественного развития, в связи с постепенным укрупнением человеческих обществ, с расширением их в пространстве и со стабилизацией их во времени.

Когда человечество состояло из небольших и разрозненных семейно-родовых группировок, оно вполне могло удовлетворять свою потребность в общении только при помощи языка. Но когда на основе развития производительных сил и усложнения производственных отношений образовались более крупные и стабильные родовые и племенные общины, вскоре же возникла необходимость во вспомогательном, дополнительном к языку средстве общения — в письме. Это подтверждается содержанием дошедших до нас первоначальных памятников письменности. Почти все подобные памятники представляют собой или записи каких-либо событий, деяний вождей, обычаев, молитв и т. п., служащие для закрепления речи во времени, или же различные охотничьи сообщения, донесения о стычках с врагами, любовные послания и т. п., служащие для передачи речи на расстоянии.

Возникновение первоначального письма, видимо, следует относить к началу развития родового строя. Вывод этот подтверждается тем, что письмо, хотя бы в его зачаточной пиктографической форме, встречается у большинства народов, известных истории и этнографии, в том числе и у тех, развитие которых задержалось на примитивных стадиях родового строя (у народов Крайнего Севера, у австралийцев XIX в. и т. д.).

Источником, из которого развилось для передачи речи это зачаточное пиктографическое письмо, видимо, была первобытная живопись. Вполне возможно, что многие рисунки на скалах, камнях и стенах пещер, дошедшие до нас от периода верхнего палеолита, служили для целей первоначального письменного общения между людьми. Вполне возможно, что первобытный охотник, возвратившись с охоты и рассказывая о ней своим сородичам, дополнял этот рассказ рисунком; возможно, что этот рисунок служил также для закрепления рассказанного события в памяти рассказчика и слушателей. И в том и другом случае имелся уже зачаток письма, т. е. дополнительного к звуковой речи средства общения.

Каковы же были основной характер, содержание и назначение этого первоначального пиктографического письма? Как уже указывалось, согласно теории Н. Я. Марра и его «учеников», это первоначальное письмо имело, будто бы, в основном магический характер. Первобытное письмо, утверждал И. И. Мещанинов, «...использовалось почти исключительно для общения с тотемом и магического силою...»¹³ Утверждение это противоречит реальным фактам. Большинство известных истории и этнографии пиктографических надписей (североамериканских индейцев, африканских негров, народов Крайнего Севера и т. д.) служило не религиозно-магическим, а практическим целям. Большая часть этих надписей представляет собой: знаки собственности — личной или племенной, наносившиеся на предметы утвари, на межевые камни, на домашних животных и т. п.; счетные знаки — обычно в виде комбинаций палочек и крестиков; надписи на надгробных камнях, рассказывающие в рисунках важнейшие события из жизни покойника; охотничьи сообщения; донесения о боевых стычках, набегах и походах; любовные послания; документы, закрепляющие условия обмена. Меньшее место занимают среди этих надписей магические и заклинательные формулы, знаки табу и другие надписи магического содержания и назначения.

В основном реалистический характер имеют и первобытные рисунки, дошедшие до нас от эпохи палеолита и послужившие, видимо, тем источником, из которого развилось пиктографическое письмо. Древнейшие из них (например, рисунки стоянки Ла Ферраси и др.) представляют собой вырезанные на камне контуры животных и схематические женские фигуры. Главное в этих рисунках — познавательный их характер, попытка отобразить те явления реальной действительности, окружавшей первобытного человека, которые имели для него наибольшее жизненное значение.

Противоречит теория Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова о магическом характере первоначальной письменности также и основным принципам марксистско-ленинского материалистического учения, согласно которому искусство, наука, а следовательно, и письменность, являются отражением реальной действительности. В языке, а следовательно и в письме, проявляется человеческое мышление. А если бы мышление первобытного человека не было реалистическим, не являлось отражением окружавшей его реальной действительности, человек не смог бы правильно ориентироваться в этой действительности, а позже даже приспособить ее к своим потребностям и нуждам.

4

Одним из важнейших вопросов теории письма является вопрос о том, какие из признаков различных систем письма следует считать основными и какие второстепенными, а также како-

¹³ И. И. Мещанинов, указ. соч., стр. 35.

ва их связь с языком. Письмо представляет собой орудие общения между людьми, но орудие не самостоятельное, а зависимое от языка, выражающее язык присущими письму графическими средствами. В соответствии с этим основные признаки ¹⁴ письма в значительной мере связаны с основами языка.

Применяя к письму как к графическому выражению языка учение И. В. Сталина об основе языка, следует сделать вывод, что к основным признакам письма должны относиться те его признаки, которые: 1) являются наиболее специфичными и определяющими для систем письма различных народов и отличают одну систему письма от других и которые 2) являются в пределах одной системы письма наиболее устойчивыми и стабильными. Такими основными признаками письма, определяющими в своей совокупности письменные системы различных народов, можно считать: 1) тип письма — пиктографический, идеографический, фонетический (слоговой, звуковой) или промежуточные, переходные между перечисленными; 2) основной состав применяемых письменных знаков, в частности, в идеографических системах письма — основной состав идеограмм, в фонетических — основной состав слоговых или звуковых знаков, а в промежуточных, переходных системах — соединение того и другого (зачаточное пиктографическое письмо сколько-нибудь устойчивого и стабильного состава письменных знаков не имеет). При этом, как уже указывалось, во втором основном признаке письма — в составе письменных знаков — можно условно различать две стороны: а) значение знаков, б) типовые графические формы знаков.

Все указанные признаки письма должны быть отнесены к основному, так как они являются наиболее постоянными и неизменными признаками каждой системы письма и составляют ее специфику, отличающую данную систему от всех остальных. При значительных изменениях любого из этих основных признаков письма (например, при переходе идеографического письма в идеографически-фонетическое или при полном и даже крупном изменении состава письменных знаков, например, при замене латинской основы алфавита русской основой) обычно изменяется сама система письма, превращаясь в иную, отличную от первой.

В наиболее распространенных в настоящее время звуковых (алфавитно-буквенных) системах письма к основным их признакам должны быть отнесены также и различные орфографические принципы письма — фонетический, фонематически-морфологический и историко-традиционный. Коренное изменение основного и преобладающего орфографического принципа той или иной системы письма изменяет и самую систему; более того, оно вызывает необходимость изменений и в составе письменных знаков. Так, например, при последовательном и точном выполнении известного предложения Тредьяковского о переходе с письма «по корням» на письмо «по звонам» в русский алфавит пришлось бы ввести ряд дополнительных букв, в частности буквы для редуцированных гласных, появляющихся в безударном положении.

Наоборот, не относятся к основным признакам письма те его признаки, которые не являются важнейшими и специфическими для систем письма разных народов и в пределах одной системы отличаются большей изменчивостью. Такими вторичными признаками письма следует считать: 1) различные почерки и стили письма, 2) различные частные правила орфографии, 3) правила пунктуации и т. д. Даже при очень значительных изменениях этих признаков (например, при замене древнего уставного русского почерка полууставом, при пересмотре правил орфографии или пунктуации) система письма как таковая не превращается в иную, отличную от прежней, кроме крайне редких случаев, когда почерковые и стилиевые изменения письма приводят к значительным нарушениям графем или же, когда изменение правил орфографии вызывает значительные изменения в составе, значении и применении письменных знаков.

5

Поскольку письмо является графическим выражением языка, постольку основные признаки всякой развитой системы письма, как уже указывалось выше, всегда бывают более или менее тесно связаны с основами народного языка. Так, первый основной признак письма — его тип — в значительной мере обуславливается степенью исторического развития народа и грамматическим строем народного языка.

В общесторическом плане письмо от зачаточных, случайных пиктографических изображений постепенно развивается к упорядоченным, но сложным и громоздким идеографическим системам, а от них — к значительно более простым слоговым и звуковым системам письма. Именно в этом направлении протекало развитие письма у большинства древнейших культурных народов — у народов средиземноморской культуры

¹⁴ Мы применяем здесь и далее термин «основные признаки», а не «основы» письма, так как основой письма всегда является язык.

(Египет, Финикия, Греция, Рим), в древних государствах Передней Азии (Шумер, Вавилон, Ассирия, Персия), в Индии, Японии, Корее и т. д.

Исторически первоначальным, зачаточным типом письма была пиктография. Как уже указывалось, пиктограмма обычно выражает целое предложение, еще очень нечетко расчлененное знаками на отдельные слова. В соотнесении с таким значением пиктограммы она и по своей форме обычно представляет собой единую сложную композицию, отдельные элементы которой могут быть правильно поняты только в их связи друг с другом. Следует отметить, что такой как бы синтетический характер пиктограммы соответствовал полисинтетическому строю языков тех народов, у которых особенно сильное развитие получило пиктографическое письмо (ацтеки, американские индейцы, например, ирокезы, многие народы Севера и др.). Отсюда, конечно, не следует, что полисинтетический строй языка послужил причиной появления пиктографического письма; пиктография широко применялась народами и с совершенно иным грамматическим строем языка, но находившимися на начальных ступенях общественного развития. Однако полисинтетический строй языка, видимо, можно считать одним из факторов, в какой-то мере способствовавших развитию пиктографического письма у некоторых народов.

Другой важной особенностью пиктографического письма было то, что применявшиеся в нем изображения в их подавляющем большинстве имели неустойчивый, нестабильный характер и обычно создавались для каждого отдельного случая. В связи с этой его особенностью пиктографическое письмо не требовало специального обучения грамоте, специального образования и было доступно для всех. Такая общедоступность, всеобщность пиктографического письма соответствовала древнейшим этапам развития человечества, на которых еще не существовало классового деления и связанного с ним разделения на грамотное меньшинство и неграмотное большинство.

При всей своей общедоступности пиктография представляла собой крайне несовершенное, примитивное, неупорядоченное письмо. Пиктографические изображения были нестабильны и не всегда однозначны, они допускали разное их толкование и разгадывались с трудом, как современные ребусы. Почти невозможно было при помощи пиктографии передавать отвлеченные, абстрактные понятия и различные сложные записи (торговые договоры, государственные законы и т. п.). Поэтому по мере развития общества, по мере усложнения человеческого мышления и языка, по мере возникновения потребности в упорядоченной переписке первоначальные случайные пиктографические изображения все более и более расчленились на отдельные знаки, которые все более и более стабилизировались как по своему значению, так и по своей графической форме. Постепенно каждый такой знак начинает обозначать отдельное определенное слово, а пиктографическое письмо тем самым преобразуется в более совершенное и упорядоченное, но в то же время и в более сложное идеографическое письмо.

И. В. Сталин связывает появление упорядоченной переписки (а следовательно, и первых упорядоченных письменных систем) с зарождением государства и с развитием торговли. «Дальнейшее развитие производства, появление классов, — пишет И. В. Сталин, — появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка»¹⁵.

Большая расчлененность, однозначность и стабильность идеограмм по сравнению с пиктограммами, возможность передачи при их помощи любых, самых сложных литературных произведений и документов делала идеографические системы значительно более пригодными для многообразной и упорядоченной переписки, возникающей в эпоху появления государств и развития торговли. В то же время слабая связь идеограмм с фонетической стороной речи делала эти системы очень удобными для древнейших, нестрех по своему этническому составу государственных образований, а также для тех народов, у которых еще не выработался единый общенародный литературный язык. Но зато сложность идеографических систем была одной из причин, затруднявших распространение грамотности у народов, применявших эти системы.

Поэтому, по мере дальнейшего развития общества, в частности по мере еще большего расширения областей применения письма, увеличения круга людей, пользующихся письмом как средством общения, а также по мере формирования единого литературного языка, идеографические системы письма становились все менее удобными и, как правило, постепенно сменялись или внутренне преобразовывались в слоговые или звуковые системы, значительно более простые и общедоступные. В свою очередь, развитие звуковых и слоговых систем письма, закрепляя единообразное произношение слов, ускоряло процесс формирования единого общенародного литературного языка.

Ф. Энгельс связывает появление звуковых систем письма с переходом к эпохе «цивилизации». Характеризуя различные ступени эпохи «варварства», предшествовавшие «цивилизации», Энгельс пишет:

¹⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27.

«3. *Высшая ступень.* Начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию через изобретение буквенного письма и применение его для записывания словесного творчества»¹⁶.

Однако такое закономерное в целом — в общечеловеческом плане — развитие письма у некоторых народов протекало иначе, в связи с особенностями их языка. Так, например, то, что Китай, несмотря на давнее и высокое развитие своей культуры, не перешел от идеографического к звуковому письму, в значительной мере объясняется особенностями китайского языка. Первой из этих особенностей является корнеизолирующий строй древнего китайского языка, неизменяемость основы слова при грамматическом формообразовании; так, китайское слово *фэй* в различных условиях может употребляться и как существительное «полет», и как глагол «летать», и как прилагательное «летный». С этой особенностью языка связано также то, что и большинство служебных слов, а также всякого рода аффиксы воспринимаются как знаменательные слова; это делает возможным обозначение их при помощи иероглифов. Но это приводит к тому, что и в китайском письме некоторая часть иероглифов, которыми обозначаются образовавшиеся в языке формальные морфемы слова, являются чисто фонетическими знаками.

Второй особенностью китайского языка, в наибольшей степени затрудняющей переход на звуковос письмо, является наличие в нем множества областных диалектов с их фонетическими особенностями; это в значительной мере объясняется прежней феодальной раздробленностью старого Китая, слабым развитием общенационального рынка и национально-колониальным гнетом империализма, препятствовавшим уже в новое время ослаблению этой раздробленности. Представители областных диалектов Китая, если они хорошо знают иероглифическую письменность, легко понимают друг друга при письме иероглифами, поскольку иероглифы читаются представителями каждого диалекта соответственно диалектному произношению того слова, которое этим иероглифом обозначено. С гораздо большим трудом понимали бы друг друга представители областных диалектов Китая при звуковом письме, которое отражало бы различные произношения одних и тех же слов.

Вопрос о переходе на алфавитно-звуковое письмо встает с особой настоятельностью в условиях нового, демократического Китая, так как иероглифическая система затрудняет развитие грамотности в широких народных массах. Достаточно указать, что для понимания простых текстов требуется знание 2—3 тысяч иероглифов. Однако переход с иероглифической системы, существующей в Китае уже несколько тысячелетий и связанной с особенностями китайского языка, на фонетическое письмо смог бы осуществиться лишь в результате весьма сложной и длительной подготовки, в частности на базе укрепления в Китае единого литературного языка; распространение его в народе обеспечивается происшедшим в результате победы революции экономическим и культурно-политическим объединением Китая.

Иными путями формировалась письменность в Корее и в Японии в связи с совершенно иным — в основном агглютинативным — грамматическим строем корейского и японского языков. В этих странах, развивавшихся под сильным культурным влиянием Китая, издавна применялась китайская иероглифическая система письма. Однако для Кореи и Японии китайская иероглифика оказалась неудобной в языковом отношении, так как корейские и японские слова, в отличие от китайских, грамматически изменяются, а эти изменения слов (флективные изменения в основах, суффиксы и окончания) иероглифами как идеографическими знаками передать невозможно. Поэтому наряду с иероглифами в этих странах уже давно применяются также и национальные слоговые системы письма — «кана» в Японии, «кунмун»¹⁷ в Корее. При этом как в Японии, так и в Корее наряду с системой слогового письма образовалась и смешанная система иероглифически-слоговой письма, при котором иероглифами обозначаются неизменяемые корневые морфемы слов, знаками слоговой азбуки — изменяемые части слов. В Японии именно эта система письма стала общепринятой. В прежней Корее она употреблялась в периодической печати, научной литературе; в беллетристике же преобладало чисто фонетическое письмо. В современной народно-демократической Корее текст набирается фонетическими знаками («кунмун»), а иероглифы используются sporadически — параллельно с фонетическим письмом для пояснения некоторых сложных понятий, заимствованных китайских слов и омонимов. Сравнительная легкость сочетания идеографических и фонетических знаков в корейском и в японском письме в значительной мере объясняется агглютинативным грамматическим строем этих языков, тем, что слова в этих языках четко делятся на неизменяемую, как правило,

¹⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 25. Следует оговорить, что периодизация истории общества по ступеням общественной культуры, разработанная Ф. Энгельсом на основе схемы Л. Моргана, в настоящее время пересматривается (см. статьи «Варварство» и «Дикость» во втором издании «Большой Советской Энциклопедии»).

¹⁷ Современное название; прежнее название — «онмун».

основу (легко передаваемую идеограммой) и на формообразующие аффиксы (легко передаваемые фонетическими знаками).

Таким образом, корлеизолирующий строй языка, восприятие почти всех слов, в том числе и служебных, как знаменательных, наличие большого количества омонимов и обилие диалектов с различным произношением одних и тех же слов при недостаточном распространении единого литературного языка являются факторами, способствующими сохранению идеографических (логографических) систем письма даже тогда, когда эти системы начинают входить в столкновение с изменениями в языке — с развитием в нем элементов аффиксальной морфологии. Наоборот, благоприятствуют переходу на фонетическую (слоговую или звуковую) систему письма: 1) обилие в языке грамматических форм, которые не могут быть переданы идеограммами и для передачи которых необходимы слоговые и звуковые знаки (причина, способствовавшая утверждению слогового письма в Корее и в Японии); 2) четкое разделение слов на знаменательные и служебные; 3) малое количество омонимов в языке; 4) образование и распространение единого литературного языка.

В наибольшей же мере, как уже указывалось, способствует переходу на фонетическое письмо расширение областей применения письма и распространение его в широких народных массах, для которых идеографическое письмо, вследствие его сложности, мало доступно.

Наконец, агглютинативный грамматический строй языка облегчает сочетание в письме идеографических и фонетических знаков.

Второй основной признак всякого письма — состав применяемых знаков — всегда бывает связан в идеографических системах письма с основным словарным фондом языка, в фонетических — с основным звуковым составом языка, а в промежуточных системах — с тем и другим. Особенности звукового состава языка в значительной мере предопределяется также применение слоговой или звуковой разновидности фонетического письма.

В идеографических системах состав идеограмм (или логограмм) развивается и изменяется в соответствии с историческими изменениями основного словарного фонда и даже словарного состава языка. Так, например, общее количество иероглифов в китайской иероглифической системе, если считать все исторически известные знаки, обычно считается близким к 50 тысячам¹⁸. Однако из этого количества в настоящее время, в связи с многовековыми изменениями в словарном составе китайского языка, применяется, да и то в некоторых случаях весьма ограничено, значительно меньше одной трети. Достаточно указать, что в наборных цехах китайских типографий количество иероглифических наборных знаков редко превышает 10 тысяч; остальные же иероглифы почти не применяются, так как в них встречается необходимость лишь при чтении некоторых произведений древней китайской литературы. Но, наряду с этим, в связи с возникновением новых понятий, а следовательно, и слов, продолжают появляться в китайском языке и отдельные новые иероглифы (например, для слова *радий* и т. д.).

Еще более наглядна зависимость между составом и значением письменных знаков и звуковым составом языка в фонетических письменных системах. Так, применение в японском, в корейском и в индийском (деванагари) письме слоговых, а не звуковых письменных знаков объясняется в значительной мере тем, что слова в этих языках строились из сравнительно ограниченного количества разных слогов, повторявшихся в различных сочетаниях. Поэтому все фонетическое многообразие этих языков могло быть передано небольшим количеством слоговых знаков.

Наиболее ярким примером закономерностей, связывающих слоговые системы письма с особенностями языка, может служить японское письмо. Благодаря характерным для японского языка звуковым законам открытых слогов и недопустимости смежных согласных, японский слог, как правило, состоял или из изолированного гласного, или же из согласного плюс гласный. Это сильно сокращало количество разных слогов, возможных в японском языке, и тем самым делало слоговую систему удобной для японского языка системой письма. Поэтому японская азбука «кана» состояла из 47 знаков, обозначающих слоги¹⁹.

Способствовало применению слоговой системы письма в Японии также то, что каждое японское слово очень четко делилось на слоги, а отдельные звуки лишь с большим трудом выделялись из слога, так как согласные всегда применялись только вместе с гласными.

В современном японском языке закон открытых слогов и недопустимости смежных согласных частично нарушается. Это объясняется, с одной стороны, развитием внутренней флексии в японском языке, которая привела в ряде случаев к появлению сочетаний из двух согласных, с другой стороны, наплывом в японский язык иностран-

¹⁸ Один из самых полных толковых словарей китайских иероглифов, содержащий почти все иероглифы, зафиксированные в письменных памятниках, начиная с древнейших, — словарь Канси цзыдянь (1716 г.) — объясняет 42 174 иероглифа.

¹⁹ После последней орфографической реформы (1945 г.) число знаков сократилось до 45.

ных, сперва китайских, а в последнее время английских слов. Большинство этих слов перестраивалось в японском языке по закону открытых слогов (например, английское слово *pistol* передается по-японски *писутору*). Однако, перестраиваясь сами, эти иностранные слова в то же время нарушали и фонетический строй японского языка, в частности закон открытых слогов. В связи с этим слоговые знаки «кана» уже не могут передавать всего фонетического многообразия современного японского языка, и в Японии все более остро встает вопрос о переходе со слогового на звуковое письмо.

В еще большей мере изжило себя слоговое письмо в Корее. В основе корейского национального алфавита («кунму») лежит около 35—40 звуковых знаков. Знаки эти применяются только в строго определенных слоговых сочетаниях²⁰, каждому из которых в корейском наборном шрифте соответствует определенная лигатура. Однако, вследствие многообразия слогового состава современного корейского языка, количество различных слоговых сочетаний в корейском письме превышает сейчас 2 тысячи; так, современный корейский шрифт, построенный по слоговому принципу (например, шрифтовая гарнитура «янмин» — «народная»), состоит из 2 с лишним тысяч лигатурных слоговых знаков. Понятно, что это сильно затрудняет обучение грамоте, чтение, письмо и процесс набора и создает настоятельную необходимость перехода со слогового на звуковое письмо. Следует при этом отметить, что для корейца отдельные звуки легче выделяются из состава слога, чем для японца, что облегчает переход на звуковое письмо. Это явствует из того, что корейские слоговые знаки, в отличие от японских, представляют собой сложные сочетания отдельных звуковых знаков.

Вообще в языках с ограниченным количеством разных слогов слоговые системы письма являются не менее, а даже более простыми и легкими для обучения и пользования, чем звуковые; недаром обучение грамоте обычно начинается с чтения по слогам. Сильно способствуют применению слоговых систем письма также простота и единообразие состава слогов, благодаря чему каждый такой слог осознается и воспринимается как единое и неделимое целое. Едва ли не единственный недостаток слоговых систем письма в таких языках — это невозможность точной передачи иностранных слов, в частности иностранных собственных имен, если эти слова имеют иной слоговой состав. Наоборот, для языков с большим количеством различных слогов и со сложным их составом слоговые системы письма нерациональны во всех отношениях.

В отличие от японского, корейского и индийского (деванагари) письма, финикийская, древнееврейская и арабская системы письма представляли собой алфавитно-звуковые системы, но состоящие преимущественно из согласных букв²¹. Последнее было связано с «внутренне-флективным»²² грамматическим строем семитских языков, в частности с тем, что корневые основы слов состоят в этих языках преимущественно из согласных звуков, а гласные меняются и служат главным образом для образования производных основ и грамматических форм (например, в арабском языке при корне *к-т-л* путем прославания его разными гласными получают слова: *китл* «враг, убийца», *кутл* «смертный», *катала* «он убит», *кутила* «он был убит», *актала* «он велел убить» и т. д.). В средние века, по мере завоевания арабами других народов и обращения их в мусульманство, у этих народов внедрялась и арабская система письма. Но, соответствуя внутренне-флективному строю и звуковому составу арабского языка, арабская консонантная система письма оказалась искусственной и чуждой для завоеванных арабами народов тюркской, иранской, кавказской и других несемитских лингвистических групп; это объяснялось совершенно иным — агглютинативным или внешне-флективным — грамматическим строем и своеобразным звуковым составом языков этих народов. В значительной мере именно по этой причине так сравнительно легко и естественно осуществился в послереволюционные годы переход письменности этих народов, проживавших в СССР, с арабской на более близкую им (наличие гласных букв и т. д.) русскую основу письма.

Буквы для обозначения гласных звуков появились и в древнегреческом письме, несмотря на то, что оно возникло и развивалось под влиянием консонантного финикийского письма. В значительной мере это также объяснялось внешне-флективным строем греческого языка, в частности тем, что гласные звуки применялись в нем не только для выражения грамматических форм, но и для образования корневых основ.

²⁰ Каждое такое слоговое сочетание записывается не в одну строку по горизонтали, а комбинируется вокруг гласной буквы по различным осям (в зависимости от начертания гласной).

²¹ В современном арабском языке гласные звуки обозначаются, но не при помощи специальных букв, а посредством так называемой «огласовки», т. е. надстрочных знаков (точек и т. п.).

²² Здесь и далее «внутренне-флективными» называются языки (например, семитские), в которых грамматические формы и отношения выражаются главным образом внутренней флексией (флексией основы), а «внешне-флективными» — языки (например, греческий, латинский, русский, немецкий и др.), в которых грамматические формы и отношения выражаются главным образом внешней флексией.

В латинской и старославянской системах письма, развившихся под влиянием греческой системы, алфавитно-буквенный состав, в связи с особым звуковым составом этих языков, претерпел дальнейшие изменения. При этом в латинском письме эти изменения были очень невелики, а в старославянском гораздо более значительны. Так, согласно О. А. Добаш-Рождественской, латинский алфавит заимствовал из греческого западного алфавита 20 букв и присоединил к ним дополнительно только 3 новые буквы (*g, y, z*) и позднее *u*²³. В свою очередь, современные западноевропейские алфавиты (французский, английский, немецкий и др.), несмотря на своеобразный звуковой состав западноевропейских языков, заимствовали из латинского алфавита 24 буквы и присоединили дополнительно только 2 (*w* и *j*). Таким образом, латинская и западноевропейская системы письма развивались главным образом по пути заимствования.

Наоборот, из 43 букв старославянского «кирилловского» алфавита 19 букв²⁴, т. е. 45%, были новые по своему звуковому значению, отсутствовавшие в классическом греческом и византийском письме и появившиеся применительно к своеобразному звуковому составу старославянского языка. Большие изменения претерпел старославянский алфавит и при развитии на его основе современного русского алфавита. Таким образом, славянское и русское письмо, в отличие от латинского и западноевропейского, развивалось самобытным путем.

Из всего изложенного следует, что в фонетических системах письма состав применяемых знаков всегда более или менее предопределяется звуковым составом языка. Наличие в языке ограниченного количества разных слогов способствует развитию слоговых систем письма, а сложность и разнообразие слогового состава языка способствует развитию звуковых систем. Соответственно, построение корневых основ слов преимущественно из согласных способствует появлению консонантных систем письма, а построение корневых основ не только из согласных, но и из гласных звуков — появлению алфавитов, включающих также и гласные буквы. При этом некритическое заимствование чужой алфавитной системы обуславливает разрыв между письмом и народным языком: наоборот, самобытное, творческое развитие алфавитной системы обеспечивает необходимую связь между нею и языком.

Особо стоит вопрос о закономерностях применения в различных звуковых системах письма тех или иных орфографических принципов — фонетического, фонематически-морфологического и историко-традиционного. Применение, вернее преобладание, в письме историко-традиционного принципа не связано с особенностями языка и объясняется главным образом консервативной государственной политикой в области письма. Наоборот, большее или меньшее преобладание в письме фонетического или фонематически-морфологического принципа, очевидно, в какой-то мере обусловлено особенностями языка и поддерживается считающейся с этими особенностями государственной политикой. Однако вопрос этот, несмотря на его большое практическое значение, наименее изучен и требует специальной разработки.

6

Все сказанное выше о составе и применении письменных знаков относилось главным образом к звуковому или смысловому значению этих знаков. Между тем, как уже указывалось, в каждом письменном знаке следует различать, кроме его звукового или смыслового значения, также и его т и п о в о ю г р а ф и ч е с к у ю ф о р м у. Определенные и более или менее постоянные типовые графические особенности нередко бывают характерными не только для отдельных знаков, но и для всей системы письма в целом (например, кривообразный характер древнего переднеазиатского письма, орнаментальный характер арабского письма, приближенный к геометрическим формам характер латинского письма и т. п.).

К основным признакам письма состав применяемых знаков относится в равной мере как по их значению (смысловому или звуковому), так и по типовой графической форме. Однако непосредственную связь с народным языком каждая система письма имеет через смысловое или звуковое значение применяемых знаков. Наоборот, типовая графическая форма знаков, так же как и общий типовой графический характер всей системы письма в целом, с языком не связаны и определяются исторически сложившимися художественными тенденциями, характерными для графики данного народа, влияниями графики ранее существовавших письменных систем, применяемыми материалами и орудиями для письма (камень, глина, папирус, пергамин, бумага) и т. п. При этом типовая графическая форма письменных знаков всегда бывает более или менее условной и обычно воспринимается как национальная, главным образом в силу

²³ См. О. А. Добаш-Рождественская, История письма в средние века, М.—Л., 1936, стр. 56 и др.

²⁴ Б, В, (Ѧ), Ж, С, ОУ, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, ѣ, Ю, Я, Ъ, А, Ъ, ПѦ.

длительной исторической традиции²⁵. В этой связи можно, например, утверждать, что две старославянские системы письма — кириллица и глаголица, имевшие при разном графическом основе букв почти один и тот же звуковой состав алфавита, стоят ближе друг к другу, чем кириллица и греческое уставное письмо, сходные друг с другом по графической форме многих букв, но резко различные по звуковому составу алфавита. Недаром кириллица и глаголица в течение долгого времени приспосаблились параллельно и даже заменяли друг друга, в то время как греческое письмо имело некоторое применение в славянских странах лишь до кириллицы и глаголицы.

В той же связи принципиально ошибочными являются попытки решения вопроса о степени самобытности кирилловской азбуки в зависимости от того, сколько букв в ней было «новых» по их графической форме и сколько было графически «заимствовано» из греческого алфавита²⁶. Важнейшая заслуга создателей этой азбуки (если у нее имелись индивидуальные создатели) заключалась не в том, что они удачно и графически по-новому построили ряд букв для звуков, отсутствовавших в греческом языке, но имевшихся в славянских языках; важнейшая их заслуга состояла в правильном определении своеобразного звукового (фонематического) состава славянского языка и в соответственно правильном установлении основного алфавитного состава славянской азбуки. Именно это и определило самобытность кирилловской азбуки, послужило причиной того, что эта азбука — хотя со времени ее создания прошло более тысячи лет — до сих пор лежит в основе большинства славянских алфавитов.

Что касается графической формы тех букв кирилловской азбуки, которые предназначались для передачи звуков, одинаковых в греческом и старославянском языке, то выдумывать их заново при наличии достаточно простых и четких букв греческого алфавита вряд ли было целесообразно. Иначе обстояло дело с буквами для звуков, отсутствовавших в греческом языке, но необходимых для передачи славянской речи. В построении этих букв проявилась большая творческая изобретательность с соблюдением в то же время простого, четкого и единого графического строя кирилловской азбуки.

Аналогичные принципы положены и в основу графического построения новых алфавитов для народностей СССР.

*

Из всего сказанного могут быть сделаны также следующие выводы методологического порядка. Изучение теории и истории письма всегда должно производиться в тесной связи с историей общества, поскольку письмо есть средство общения между людьми, и с историей языка, поскольку письмо есть вспомогательное, дополнительное к языку средство общения, непосредственно отражающее язык. Только при таком подходе к письму могут быть вскрыты действительные и важнейшие закономерности в развитии письма как у отдельных народов, так и в общечеловеческом масштабе.

Это, конечно, не исключает возможности и даже необходимости художественно-графического, палеографического и других специальных методов изучения письма. Методы эти вполне закономерны, так как, наряду с выполнением своей основной функции (служить для передачи речи), письмо, кроме того, представляет собой своеобразную технику, зависящую от применяемых материалов, орудий и т. п., а также явление стиля, зависящее от смены стилей в изобразительном искусстве. Однако любой из этих специальных методов может служить лишь дополнением к основному, лингвистическому методу изучения письма, так как графика письма является только средством для передачи речи и важнейшие закономерности письма лежат не в графической, а в лингвистической области.

До последнего времени изучение истории письма производилось, как правило, в отрыве от истории общества и от истории языка, причем основное внимание сосредоточивалось на внешней, графической стороне письма. В результате история письма преимущественно сводилась или к истории заимствования графической формы знаков одними народами у других, или к истории почерковых и стилистических изменений письма того или иного народа. Подлинные же, важнейшие закономерности в развитии письма могут быть вскрыты лишь при изучении истории письма в тесной связи с историей общества и с историей языка.

В. А. Истрин

²⁵ Так, несмотря даже на то, что в русском и латинском письме многие буквы (а, е, о и др.) совпадают по их графической форме, введение в русскую надпись хотя бы одной латинской буквы, не совпадающей по своей форме с русской (например, латинского *N* или *D*), было бы воспринято читателем как грубое нарушение привычного национального графического строя русского письма.

²⁶ См., например, Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин, *Русская палеография*, М., 1946, стр. 56.